

К ВОПРОСУ ОБ УСЛОВИЯХ ЖИЗНИ И АДАПТАЦИИ БОЛГАР И ГАГАУЗОВ МОЛДАВСКОЙ ССР В СИБИРИ: ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

CZU:39(=163.2+=512.165(478)(091)

<https://doi.org/10.52603/rec.2025.37.18>

Rezumat

Cu privire la condițiile de viață și problemele adaptării bulgarilor și găgăuzilor din RSS Moldovenească în Siberia: aspecte istorice și etnologice

Articolul propus examinează problemele adaptării socioculturale ale bulgarilor și găgăuzilor din RSS Moldovenească, care au ajuns în Siberia în urma deportării în masă organizate de autoritățile sovietice în iulie 1949. Bazându-se pe acte normative și surse narrative, autoarea analizează condițiile de trai ale deportaților în noul mediu, activitățile lor gospodărești, condițiile de muncă. O atenție deosebită este acordată influenței regimului de supraveghere specială asupra procesului de socializare, stării de spirit a migraților forțați, precum și mecanismelor și căilor de conservare a identității etnice în condițiile unui mediu alogen și alolingvi. Studiul a demonstrat că condițiile deportării, situația materială precară la noul loc de trai și climatul aspru, neobișnuit pentru locuitorii Bugeacului, au avut un impact negativ asupra vieții acestora. Situația social-economică dificilă a bulgarilor și găgăuzilor în locurile de relocare a fost însoțită de aplicarea unor măsuri discriminatorii din partea autorităților, manifestate prin restrângerea libertății de mișcare. Strategiile de supraviețuire ale acestora s-au bazat în principal pe sânguință, dar și pe solidaritatea etnică. Natura forțată a relocării și condițiile regimului de colonie specială au generat sentimente de inferioritate în rândul migraților forțați, ceea ce reprezintă un fenomen traumatic al deportării.

Cuvinte-cheie: bulgari, găgăuzi, deportare, reprimări, Siberia.

Резюме

К вопросу об условиях жизни и адаптации болгар и гагаузов Молдавской ССР в Сибири: историко-этнологические аспекты

В предлагаемой статье рассматриваются проблемы социокультурной адаптации болгар и гагаузов Молдавской ССР, оказавшихся в Сибири в результате массовой депортации, проведенной советскими властями в июле 1949 г. Опираясь на нормативные акты и нарративные источники, автор исследует жилищно-бытовые условия переселенцев на новом месте, их хозяйственную, трудовую деятельность. Особое внимание уделяется влиянию режима спецкомендатуры на характер социализации, настроениям вынужденных мигрантов, а также механизмам и путям сохранения этнической самобытности в условиях иноэтничного и иноязычного окружения. Основные выводы заключаются в том, что обстоятельства переезда, неудовлетворительные материальные условия на новом

месте жительства, непривычный суровый климат негативно отразились на жизни южан. Тяжелое социально-экономическое положение болгар и гагаузов в местах поселения сопровождалось применением властями по отношению к ним дискриминационных мер, выражавшихся в ограничении свободы передвижения. Формирование стратегии выживания болгар и гагаузов основывалось, прежде всего, на их усердии в труде, а также на их этнической консолидации в местах поселения. Исследование показало, что принудительный характер переселения и нахождение в условиях режима спецпоселений привели к появлению у вынужденных мигрантов чувства неполноценности, что в свою очередь, позволяет говорить о феномене «депортационной травмы».

Ключевые слова: болгары, гагаузы, депортация, репрессии, Сибирь.

Summary

On the living conditions and adaptation of Bulgarians and Gagauz from the Moldavian SSR in Siberia: historical and ethnological aspects

The article examines the problems of socio-cultural adaptation of Bulgarians and Gagauz from the Moldavian SSR, who were deported to Siberia as a result of the mass deportation carried out by the Soviet authorities in July 1949. Based on regulatory acts and narrative sources, the author examines the housing and living conditions of the migrants at their new place of settlement, as well as their economic activities. Particular attention is paid to the influence of the special commandant regime on socialization processes, the psychological state of the deportees, and the mechanisms of preserving ethnic identity in the conditions of a foreign ethnic and foreign language environment. The main conclusions are that the hardships of relocation, poor material conditions in the new place of residence, and the unusually harsh climate negatively affected the lives of the southerners. The difficult socio-economic situation of Bulgarians and Gagauz in their new settlements was exacerbated by discriminatory measures imposed by the authorities, including restrictions on freedom of movement. The survival strategy of Bulgarians and Gagauz was based primarily on their strong work ethic and ethnic solidarity within their settlements. The study showed that the forced nature of the resettlement and living under the special settlement regime led to feelings of marginalization and inferiority among the deportees, which, in turn, points to the phenomenon of “deportation trauma”.

Key words: Bulgarians, Gagauz, deportation, repression, Siberia.

Исследование процессов адаптации различных национальных и социальных групп, оказавшихся вдали от своей исторической родины в результате массовых принудительных переселений, проведенных советским руководством в 1940–1950-х гг., является важным направлением в исторической науке. Особый интерес представляет изучение условий жизни и механизмов выживания этнических сообществ, оказавшихся в новой климатической среде, в окружении иных этнокультурных и языковых традиций. В данном контексте особое внимание заслуживает судьба болгар и гагаузов, депортированных из Молдавской ССР в Сибирь, чья адаптация сопровождалась как сохранением традиционной культуры, так и поиском новых форм социальной и экономической интеграции.

Следует отметить, что за последние 30 лет исследователями Республики Молдова был внесен существенный вклад в изучение тематики сталинских депортаций (Пасат 1994, Сафу 2014, Olaru-Cemîrtan 2020 и др.). Вместе с тем, в настоящее время совершенно очевидна слабая разработанность вопросов хозяйственной, культурной и языковой адаптации болгар и гагаузов Молдавской ССР, оказавшихся в Сибири в результате массовой депортации 1949 г. Рассмотрение феномена затруднено многоаспектностью его проявления и многогранностью последствий. Не в последнюю очередь разработка обозначенной тематики затруднена тем, что, несмотря на большой массив рассекреченных документов, обстоятельства адаптации, быта и культуры болгар и гагаузов, в архивных материалах почти не представлены. Основным источником в изучении проблематики, связанной с вопросами социализации, повседневной жизни репрессированных на новом месте жительства, служат их личные истории, благодаря которым мы узнаем об их судьбах, чувствах, хозяйственной деятельности, о трудовых и личных взаимоотношениях, о буднях и праздниках на новом месте жительства.

В предлагаемой статье, опираясь на нормативные акты и нарративные источники, предпринята попытка рассмотреть некоторые аспекты социокультурной адаптации болгар и гагаузов Молдавской ССР, депортированных в Сибирь, а также механизмы и пути сохранения этнической самобытности в условиях иноэтнического окружения.

Отложившиеся в архивах материалы помогли определить географию расселения в Сибири болгар и гагаузов МССР. В ходе их изучения удалось выявить, что основными регионами рас-

селения представителей этих этнических групп стали Алтайский край, Курганская и Тюменская области, а также Бурят-Монгольская АССР (см. подробнее: НАА. Ф. R-3397, оп. 4, д. 97, 98, 192, 196, 197).

Путь на новые места жительства достаточно ярко отражен в воспоминаниях депортированных. Так вспоминает дорогу в Сибирь Любовь Орманжи, уроженка с. Баурчи: «Дорога была долгой и утомительной. <...> В вагоне разместились более двенадцати семей, со своими детьми и стариками. <...> Всем было очень тяжело, жара, теснота, никаких удобств. <...> Тяжелый запах от невымытых неделями людей, крыша при дожде сильно текла, еду выдавали только на станциях, согласно количеству душ» (Курдогло 2009: 304). Из воспоминаний Ульяны Торлак, уроженки того же села, становятся очевидными настроения «раскулаченных»: «...времени в дороге было предостаточно, чтобы познакомиться друг с другом, задуматься о происходивших событиях, но оценить действия властей вслух мы не имели права и боялись» (Курдогло 2009: 366).

Информация, которую удалось выявить в отчетных документах лиц, ответственных за прием депортированных демонстрирует, что прием новоприбывших, в основном, прошел организованно. На уполномоченных областных/краевых структур МВД было возложена задача по оказанию помощи в организации разгрузки, приему и расселению приезжих (Пасат 1994: 511, 525, 526). Планы расселения согласовывались с областными исполкомами и обкомами ВКП(б). Из докладной записки УМВД о приеме и расселении в Алтайском крае выселенцев из Молдавской ССР следует, что при распределении переселенцев для трудового устройства, в первую очередь, обеспечивались колхозы, испытывающие «острый недостаток рабочей силы». Отдельные семьи, «годные к тяжелому физическому труду», были трудоустроены на золотых рудниках треста «Горноалтайзолото» (Пасат 1994: 524). По свидетельствам переселенцев, депортированных в Курганскую область, они были распределены по совхозам и колхозам (Курдогло 2016: 262). Выселенцы, депортированные в Тюменскую область, были направлены в хозяйственные организации Министерства лесной и бумажной промышленности, Ишимского треста совхозов, Тукиженского лесопункта Министерства легкой промышленности, судоремонтного завода Министерства речного флота, «Тюменьстрой» Министерства гражданского строительства и другие хозяйственные организации. В

распоряжение руководства треста «Бурмонгол-леса» были направлены выселенцы, прибывшие в Бурят-Монгольскую АССР (Пасат 1994: 513, 529). Таким образом, можно констатировать дисперсность расселения прибывших, а также заключить, что союзные и местные руководители были заинтересованы в скорейшем трудоустройстве «раскулаченных», от чего зависело выполнение производственных заданий. Однако, особых усилий по созданию благоприятных адаптационных условий для прибывших власти не предпринимали. Несмотря на то, что вопрос о жилье спецпереселенцев рассматривался союзными властями еще на этапе организации акции по выселению (Пасат 1994: 385), как свидетельствуют официальные документы и жизнеописания очевидцев, местные власти в большинстве случаев не были готовы к приему прибывших. Депортированных расселяли в непригодных помещениях: клубах, школах, вагонах, гаражах, фермах (Пасат 1994: 508-526; Курдогло 2009: 283). В ряде случаев прибывших подсаживали к жителям деревень либо на несколько семей выделяли неблагоустроенные бараки (отдельные, не разгороженные комнаты). Согласно официальным данным, норма жилья в отдельных случаях составляла 1,1 м² (Пасат 1994: 522). Безусловно, неудовлетворительные жилищные условия, а также скученность при расселении приводили к возникновению и распространению инфекционных заболеваний среди выселенцев.

Бытовая неустроенность усугублялась особым режимом содержания. Депортированные не могли самостоятельно выбрать себе место жительства, занятие, соседей. Адаптация начиналась в условиях, предложенных властью - «раскулаченные» были ограничены в передвижении и не имели права покинуть «спецпоселение». Согласно приказу МВД ССР № 00564 от 11 июня 1949 г., у депортированных изымались паспорта для передачи их органам МВД в местах расселения. Отобранные документы приобщались в отдельном пакете к личным делам выселенцев для хранения их до особого разрешения (Приказ 2004: 532). Правовой статус депортированных определялся указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. (Указ 1993: 124; Пасат 1994: 385). Как видно, приспособление спецпереселенцев к новой обстановке зависело в большей степени от внешних факторов – политики органов власти и от отношения местного сообщества, нежели от личных качеств депортированных.

Местное население отнеслось к репрессированным, в целом, неоднозначно. Так, например, те, кто сам пережил репрессии, помогали новым жителям продуктами питания, одеждой, принимали их к себе на квартиры. Заметим, большинство прибывших оказались на новом месте жительства без денег, продуктов, теплой одежды, предметов домашнего обихода (Пасат 1994: 515). Сочувственное отношение местных жителей помогло южанам перенести первую, самую тяжелую зиму (Папукчи 2024; Курдогло 2016: 369). В то же время, некоторые респонденты отметили, что были среди местного населения и такие, кто отнесся к приезжим как к «врагам народа», сторонились новоприбывших. Так, Таисия Папукчи (в девичестве – Грекова), уроженка с. Кайраклия рассказала: «Местным жителям сказали, что мы чеченцы, чтоб боялись нас» (Папукчи 2024). О недоброжелательном отношении местного населения к новоприбывшим рассказал и Иван Славиогло, уроженец с. Бешгиоз, который подчеркнул: «понадобились годы, чтобы расположить к себе их уважение» (Славиогло 2024). Полагаем, искаженная информация о репрессированных распространялась агентурой преднамеренно с целью социальной изоляции прибывших.

На новом месте жительства, болгары и гагаузы вынуждены были проходить климатическую, трудовую и инокультурную адаптацию. Опираясь на свидетельства депортированных, констатируем, что бытовая и климатическая адаптация южан проходила особенно тяжело. Показательно воспоминание Елены Карапунарлы (в девичестве – Капсамун), уроженки с. Гайдары: «Зимы здесь оказались морозными, не как в Молдавии. <...> Мы часто мерзли, чтобы согреться, вынуждены были спать одетыми, а на одеяле, которым укрывались, к утру застывал тонкий слой льда» (Курдогло 2009: 319). Описание жизни в местах ссылки Георгия Юровского, уроженца пос. Тараклия, ограничивается несколькими предложениями, однако этих сведений достаточно, чтобы увидеть не только неготовность властей к приему «раскулаченных», сложности их обустройства на новом месте, но и отсутствие опыта проживания в таком климате. Депортированный с семьей на Алтай, Георгий Юровский рассказал, что изначально они были поселены в клубе, зал которого разделили на 34 человека. Перегородки в помещении отсутствовали, вместо «стен» использовали одеяла. По словам респондента спустя некоторое время ссыльные построили себе дома по традиции мест выселения из «чамура», однако по причине того, что жилье было построено

наспех «когда ударили морозы под – 40°C – 45°C, среди ночи послышался громкий треск [поясняет] – стена лопнула. В дальнейшем эти трещины забивали тряпками» (Юровский 2018).

Заметим, депортация в Сибирь была сопряжена не только рядом жилищно-бытовых трудностей. Как было отмечено выше, выходцы из южных районов Молдавской ССР оказались на севере без соответствующей одежды и обуви. Ссылный Константин Курдогло, уроженец с. Баурчи, вспоминал: «...зимней одежды теплой и хорошей не было, заштопанные штаны, лохмотья рваные, а на ногах постолы из свиной кожи» (Курдогло 2009: 465).

Анализ интервью со свидетелями депортаций позволил выявить и некоторые детали продовольственной обеспеченности «раскулаченных» в местах расселения. Судя по жизнеописаниям депортированных, их питание первое время также не отвечало элементарным нормам жизни. Зинаида Курдогло (в девичестве – Коврик), уроженка с. Бешалма вспоминала, что колхозникам выдавали по 400 граммов хлеба на одного работающего. При этом, респондентка подчеркивала, что особенно тяжело приходилось семьям, имеющим иждивенцев (Курдогло 2009: 330). Заметим, что поначалу согласно отчетным данным должностных лиц УМВД по Алтайскому краю (15 августа 1949 г.), трудоустроенным в колхозы и совхозы были выделены индивидуальные участки, на которых до приезда выселенцев была произведена посадка картофеля и овощных культур (Пасат 1994: 526). Однако Н. У., депортированная на Алтай из пос. Тараклия, вспоминала: «Первый год было очень сложно. Там было много картошки, местные нуждались в рабочей силе, мы с мамой помогали ее выкапывать, за наш труд с нами рассчитывались картофелем. В общем, запаслись картошкой, но ничего кроме нее у нас не было абсолютно» (Н.У. 2024).

Следует отметить и другие важные аспекты, маркирующие условия проживания бессарабских болгар и гагаузов в Сибири. Так, например, значительная часть жизнеописаний насыщена сюжетами и подробностями о дополнительных трудностях, которое создавало незнание русского языка (Курдогло 2009: 391, 392). Красноречивым примером может послужить биография Савелия Экономова, уроженца с. Этулии, учительствовавшего до июля 1949 г. в Вулканештском районе. Депортированный на Алтай, Савелий Экономов, обладая необходимыми умениями и навыками, не смог реализовать свои способности в местах расселения из-за незнания языка, а это в свою

очередь являлось причиной того, что в первые пять лет пребывания в ссылке он работал на различных трудовых участках (Дерменжи 2014). Из воспоминаний переселенцев следует, что в ссылке изучение русского языка стало условием выживания и установления отношений с местными жителями. В то же время, отметим, что родной язык депортированных, благодаря старшему поколению, все еще сохранялся в домашнем общении (Николаева 2024; Н. У. 2024). Заметим, наличие языкового барьера, в свою очередь, являлось причиной того, что привлечение болгар и гагаузов на ответственные должности: бригадиры, заведующие фермой, было скорее исключительным явлением (Курдогло 2016: 244, 515).

Полученные нами сведения позволили сделать в определенной мере представления о сфере занятости болгар и гагаузов в местах ссылки. Так, по свидетельствам депортированных, часть переселенцев, направленная в Алтайский край и Курганскую область, была задействована в работах, связанных с сельским хозяйством, такие как прополка, сенокос. В то же время, болгарам и гагаузам, как мужчинам, так и женщинам пришлось осваивать новые специальности, связанные с механизацией сельского хозяйства, как например, трактористы, прицепщики, шоферы, комбайнеры. Семьи переселенцев, попавшие в Бурят-Монгольскую АССР и Тюменскую область, были заняты преимущественно на лесозаготовках. В целом, анализ биографий свидетелей позволяет заключить, что «раскулаченные» получили профессии, не требующие длительного обучения, и выполняли работу, связанную с тяжелым физическим трудом. По их рассказам к труду привлекались и дети (Курдогло 2016: 446, 457, 541, 551). Уроженка пос. Чадыр-Лунга Мария Кулева (в девичестве – Константинова), подчеркнула, что трудовую книжку ей открыли в 12 лет (Курдогло 2016: 419).

Немного адаптировавшись в местах ссылки (по воспоминаниям депортированных самыми трудными были первые два года), «раскулаченным» хоть и считавшим депортацию ошибочной и временной, приходилось строить жилье, либо обустраивать организованные для их проживания бараки (Курдогло 2009: 356). Нарратив респондентов дает обширный и интересный материал для анализа, так как в ходе интервью были получены сведения об особенностях жилищного строительства болгар и гагаузов в Сибири. Вместе с тем, жизнеописания информаторов показательны тем, что помогают выявить поведенческие модели представителей этих этногрупп на новом месте. Так, в биографических рассказах

зафиксировано строительство полуземлянок, которые, как правило, выкапывались переселенцами на начальном этапе их пребывания в Сибири (Сариогло 1996). Однако, появление сырости в землянках приводило к простудным заболеваниям, вот почему в дальнейшем репрессированные строили дома, которые по их жизнеописаниям, отличались от построек местных жителей. Выжившие информаторы отмечали, что в отличие от домов сибиряков, возводивших свои дома в традициях лесной полосы, южане строили «саманные» дома из сырцовых кирпичей либо «вальковые» из круто замешанной глины с соломой (Курдогло 2009: 304, 349) (Фото 1). Любопытные детали хозяйственно-бытового обустройства, а также утверждения в местном сообществе рассказала Ульяна Попаз (в девичестве – Арнаут), уроженка с. Баурчи. Свидетель отметила, что к зиме 1950 г. они перешли в свой небольшой домик, построенный не из дерна, как было принято у местных жителей, а по гагаузским обычаям из «лампачей». Крышу обшивали досками, которые затем обмазывали (Курдогло 2009: 420). Этот же информатор подчеркнула, что, несмотря на то, что обычная и традиционная для гагаузов обмазка стен глиной для местных жителей показалась диковинкой, техника строительства домов южан в дальнейшем получила развитие. Так, например, вечерами, после рабочего дня мать Ульяны подрабатывала у местных жителей тем, что мазала стены. Респондент заметила, что хозяйева были очень признательны ее матери за труд, а вскоре такой метод утеплять стены прижился в совхозе и многие жители стали строить дома-мазанки (Курдогло 2009: 421, 422). По свидетельству депортированных, в качестве утеплителя они традиционно применяли коровий и конский навоз, чем удивляли сибиряков, а чтобы постройка выглядела привлекательной, внутренние стены жилища после мазки белили (Курдогло 2016: 285).

Обратим внимание, что одним из немногих положительных результатов пребывания болгар и гагаузов в местах депортации стала активизация их этнической сплоченности, которая происходила в процессе выработки стратегии и тактики выживания в условиях сибирских реалий. Информаторы отмечали, что, если в населенном пункте оказывались расселенными несколько семей – депортированных из Молдавской ССР, они как правило, помогали друг другу, строили дома сообща, чем вызывали восхищение местных жителей (Н. У. 2024; Курдогло 2009: 392, 419).

Трудовые условия и суровые климатические реалии привели к тому, что традиционная оде-

жда и обувь бессарабских болгар и гагаузов перенесли значительные изменения. Сведения об одежде депортированных отражены в воспоминаниях Зинаиды Курдогло (в девичестве – Коврик), уроженки с. Бешалма, которая рассказала, что девушкам и женщинам, записавшимся на курсы прицепщиц, местное руководство выдало спецодежду: зимние шапки, теплые фуфайки, брюки и резиновые сапоги. Респондент подчеркнула, что девушки из гагаузских семей в этой одежде чувствовали себя неуютно, тем не менее «приходилось привыкать и подчиняться» (Курдогло 2009: 329).

По мере преодоления тягот первых лет депортации вынужденные мигранты стали восстанавливать родственные связи с теми, кто остался на родине. Несмотря на то, что в письмах к родственникам, южане просили отправить им вещи (Курдогло 2009: 320), со временем, по сибирской традиции, переселенцы перешли на ношение ватных «тулупов» и штанов, валенок. Сохранившиеся фотоматериалы фиксируют интенсивный процесс «осибирячивания» выселенцев из МССР (Фото 2, 3).

Ассимиляция болгар и гагаузов путем исключения прежних элементов культуры повседневности этих этнических групп засвидетельствована и в рассказе Константина Курдогло, уроженца с. Баурчи, отметившего, что на родине постолы были гордостью гагаузов, однако в ссылке стали поводом насмешек среди сверстников. Однажды ученики, подтрунивая над ним, обрезали веревки, благодаря которым держались постолы. Этот случай настолько ранил Константина, что он их больше не обувал (Курдогло 2009: 465). Подобный случай был зафиксирован и в рассказе Ивана Славиогло, уроженца с. Бешгиоз, который подчеркнул, что «чарыки» стали причиной того, что он на какое-то время перестал ходить в школу (Курдогло 2009: 494; Славиогло 2024). В воспоминаниях очевидцы отмечали, что летом многие, особенно дети, ходили босиком, зимой переходили на ношение сибирской валяной обуви «валенков» (Курдогло 2009: 420, 431). В зимний период не исключением было ношение резиновой обуви, что в свою очередь, свидетельствует о материальных трудностях, с которыми сталкивались выселенцы на новом месте жительства. Биография Екатерины Пукал (в девичестве – Бишир), уроженки пос. Тараклия, отражает насколько сложными были жизненные пути депортированных. Так, например, из ее рассказа узнаем следующее: «В первый класс я пошла на Алтае. Отчетливо помню, что в школу ходила в

резиновых сапогах. Когда выпадал снег, домой приходила с сапогами полными снега. Мама не могла меня разуть, портянки примерзали к ногам» (Пукал 2024).

По истечению острой проблемы физического выживания и традиции питания болгар и гагаузов на новом месте жительства испытали влияние иной природно-хозяйственной среды. Важной составной частью их стола стал картофель, ржаной хлеб. Респондентка Н. У., уроженка пос. Тараклия, в рассказе о проведенной жизни на Алтае отметила, что в их семье часто готовился картофель, который варили, запекали и тушили – в Сибири он стал «вторым хлебом» (Н. У. 2024). Определенное место в питании переселенцев заняли продукты, полученные в результате охотничьего промысла, а наличие в Сибири обширной сети рек способствовало широкому распространению в их рационе рыбных блюд (Курдогло 2009: 403). Информаторы вспоминали, что практически повсеместно употреблялись такие ягоды как смородина, ежевика, малина, земляника, калина, костяника, брусника, черника, клюква, морошка и др. Листья некоторых из них и плоды шиповника использовали для заварки чая. В лесу собирали кедровые орехи, грибы (Курдогло 2009: 321, 383, 383; Курдогло 2018: 254; Н. У. 2024).

Несомненно, на традиции питания южан оказали влияние и проживавшие с ними представители других этнических групп. В рационе буджакских болгар и гагаузов прослеживается заметное влияние русской кухни. Так, например, опрошенные нами респонденты отметили заимствование болгарами и гагаузами излюбленного блюда сибиряков пельменей. В своих воспоминаниях Николай Гургуров, уроженец с. Буланиха, Алтайского края, отмечал, что зимой в их семье было принято лепить пельмени (Гургуров 2024). Из интервью Стефаниды Драган (в девичестве – Татарогло), уроженки с. Копчак, узнаем, что в Сибири она впервые познакомилась с традицией пить чай с молоком. Впоследствии горячий напиток стал ее любимым (Драган 2024).

Порой случалось и так, что еда становилась точкой предрасположенности к определенной этнической группе. В качестве иллюстративного примера приведем рассказ Анны Черниогло, уроженки с. Баурчи. Информатор призналась в воспоминаниях, что неблагосклонность к калмыкам у нее возникла, когда она стала свидетелем того, как калмыки «аппетитно ели лошадиное мясо», отмечая, что от увиденного ей стало плохо, так как ничего подобного у себя на родине она не ви-

дела (Курдогло 2009: 353). В то же время, по словам этого же респондента, предпочтения немцев, проживавших по соседству, были гагаузам понятны и близки (Курдогло 2009: 351).

По материалам интервью, у местных жителей, имевших опыт взаимодействия с буджакскими переселенцами, их национальные традиционные блюда ассоциировались с «кывырмой» (Курдогло 2018: 255).

Как было отмечено выше, в попытке восстановить разобщенные депортацией родственные связи, переселенцы писали на родину письма, в которых не только искали родных, но и просили родственников передать им широко распространенные у болгар и гагаузов Бессарабии сушеные и измельченные травы, сушеный красный перец, а также фрукты и семена овощей. Впоследствии на приусадебных участках переселенцы стали выращивать зелень, репу, капусту, морковь, свеклу, тыкву, огурцы, арбузы и даже томаты, последние по рассказам переселенцев созревали на печи в валенках. В биографических рассказах, депортированные отмечали, что местные жители смотрели на это как на чудо (Н.У. 2024; Саригло 1996).

Любопытные сведения об особенностях хозяйственной деятельности «раскулаченных» в Сибири содержит рассказ Валерии Саригло (в девичестве – Касапова), уроженки с. Кайраклия. Описывая жизнь своей семьи до депортации, Валерия Саригло подчеркнула, что ее дед Андрей Касапов, житель с. Кайраклия, обладал широкими познаниями и навыками в сельском хозяйстве, а его любимым занятием было садоводство и виноградарство: «помню [в Кайраклии] наш двор украшала яблоня с шестью сортами поочередно созревавших яблок» (Саригло 1996). Оказавшись в Алтайском крае, немного освоившись на новом месте, дед Валерии Саригло с воодушевлением продолжил заниматься своим увлечением, благодаря отправленным родственниками семенам и саженцам. Информатор вспомнила, что рассаженные дедом плодовые деревья давали урожай. Вместе с тем, подчеркнула Валерия Саригло, несмотря на особое усердие и старание деда, его мечте – вырастить в Сибири виноградник, не суждено было сбыться. Показательно, внучки Андрея Касапова – Ольга Гринажук (в девичестве – Касапова) и Зина Касапова, посетившие Алтай в 1996 г. отметили, что местные жители даже тогда помнили о «дереве болгарина» – яблоне.

По воспоминаниям переселенцев, со временем, в местах принудительного выселения болгар

ры и гагаузы продолжили традицию по разведению в подсобном хозяйстве птицы (кур, гусей), крупного и мелкого рогатого скота (коз, коров) (Курдогло 2009: 308, 321, 356, 382, 442; Курдогло 2018: 252).

Биографические рассказы болгар и гагаузов, расселенных в Сибирском регионе, демонстрируют, что в условиях ссылки и традиции южан подверглись серьезным испытаниям и претерпели определенные изменения. По сообщению Василисы Николаевой (в девичестве – Бузаджи), на новом месте жительства они стали отмечать советские официальные праздники, такие как, День международной солидарности трудящихся 1 мая, Годовщину Великой Октябрьской социалистической революции 7 и 8 ноября и др. (Николаева 2024). Константин Курдогло, уроженец с. Баурчи вспоминал, что в местах переселения южане стали отмечать сельскохозяйственные праздники, не характерные буджакским болгарам и гагаузам, например, весенний праздник «Борозда» (Курдогло 2009: 467). Празднование советских официальных праздников и сельскохозяйственных обрядов, как правило, сводилось к выходу на парады, застольям, хозяйственные работы в эти дни отменялись.

Наряду с советскими календарными праздниками среди болгар и гагаузов, в особенности, если в семье были представители старшего поколения, по-прежнему продолжали поддерживаться прежние традиции, обычаи и обряды, в той степени насколько позволяли внешние обстоятельства (Курдогло 2009: 318). В личных историях информаторы подчеркивали, что религиозные праздники советской властью не приветствовались, праздничные службы в храмах буджакские переселенцы не посещали, что объяснялось «такими законами» (Курдогло 2009: 318). Религиозные праздники по мере возможностей отмечали в узком семейном кругу (Курдогло 2009: 368; Юровский 2018). Типичный случай «усвоения новых правил жизни» вспомнил Сергей Торлак, уроженец с. Новопокровка, Алтайского края, отметивший, что по рассказам родителей, в ссылке он тайно был крещен по православной традиции в церкви г. Бийска (Курдогло 2009: 287). Заметим, что случай, рассказанный респондентом, примечателен тем, что крестниками Сергея Торлак стали местные русские жители, а это в свою очередь характеризует взаимоотношения, сложившиеся между репрессированными и местным населением.

Помимо отказа от наиболее ярких маркеров этничности: родного языка, религиозности и на-

родных праздников, нередко депортированные были вынуждены отказываться и от своих личных имен. Уместно отметить, что в семьях болгар и гагаузов к тому времени наблюдалась распространенная традиция именования детей в честь бабушек и дедушек. Так, например Иванна Жежу (в девичестве – Барган), уроженка с. Сваловка, Алтайского края, в своем рассказе отметила, что ее называли в честь бабушки, однако, она и ее родственницы не возмущались, когда на Алтае «из Иванн нас превратили в Ань» (Жежу 2024). Этот же свидетель подчеркнула, что в школе среди сверстников, она и ее двоюродные сестры стеснялись говорить на гагаузском языке, тем более петь или танцевать. В биографическом рассказе Иванна Жежу отметила, что в детстве и подростковом возрасте ей казалось, что они [гагаузы] являются представителями маленькой нации с ограниченными способностями, подчеркивая, что «всё русское нам казалось лучше, чем гагаузское» (Жежу 2024). Наглядным примером отказа от личных имен является и случай, рассказанный Василисой Николаевой (в девичестве – Бузаджи), уроженки с. Чок-Майдан, отметившей, что в Сибири ее переименовали в Асю, а позже в Валентину (Николаева 2024). Полагаем, формирование представлений о «неполноценной» этнической идентичности депортированных является следствием целенаправленной государственной политики. В сознании большинства депортированных болгар и гагаузов статус «спецпереселенцев» считался унижительным и ассоциировался с ограничением прав. В то же время замена традиционно болгарских и гагаузских имен на русские была вынужденной. Она вполне отвечала адаптивному поведению переселенцев, проживавших в иноязычном (преимущественно русском) окружении, и была обусловлена необходимостью утвердиться в местном сообществе.

По свидетельствам репрессированных по мере межэтнического взаимодействия с местными жителями происходило их сближение – отношения между южанами и сибиряками в целом складывались довольно мирные. Все же, несмотря на совместное проживание из анализа биографий «раскулаченных» следует, что при заключении браков болгары и гагаузы, как правило, отдавали предпочтение землякам-выходцам из буджакских сел. По воспоминаниям вынужденных переселенцев свадьбы отмечали скромно. Вместе с тем, смешанные браки между болгарами и гагаузами и местными жителями не являлись исключением (Курдогло 2009: 469; Курдогло 2016: 266; Курдогло 2018: 307, 362). Однако, ин-

форматоры фиксировали, что вступление в брак с лицами другой национальности, как правило, старшим поколением не приветствовались. Так, например, это косвенно следует из рассказа Марии Ворошниной (в девичестве – Братан), уроженки с. Томай, в котором она отмечает, что выходить замуж за местных жителей, можно было с разрешения родных (Курдогло 2016: 266).

Несмотря на все сложности приспособления к новому социуму, опираясь на материалы интервью можно сказать, что со временем депортированные достигли определенного благосостояния в местах расселения благодаря своему трудолюбию и усердию. Местные жители подчеркивали присущие южанам организованность и дисциплину. Показателями отмеченного трудолюбия могут выступать признание трудовых заслуг (Курдогло 2018: 257). Любопытный случай, за которым просматривается не только неоспоримое трудолюбие «раскулаченных», но и их отношение к действиям советских властей рассказал Федор Кожекар, уроженец с. Зерносовхоз, Курганской области, подчеркнувший, что его отца Михаила Кожекара, уроженца пос. Чадыр-Лунга, за усердный труд представили к награде. Документы о награждении местное руководство хотело отправить в Москву, однако он отказался от награды, подчеркнув, что «вы [вероятно, подразумевая советскую власть] поломали мне жизнь и [мне] от вас никакой награды не надо» (Курдогло 2018: 333).

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что, оказавшись в 1949 г. в сибирском регионе, болгары и гагаузы были поставлены перед проблемами как физического выживания, так и сохранения целостности и культурной самобытности. Возможность обретения удовлетворительных материальных условий на новом месте жительства была связана с адаптацией к новому климату, быту и условиям труда. Действия советских властей по созданию приемлемых для жизни условий и интеграции прибывших оказались недостаточными, о чем свидетельствуют жизнеописания депортированных из МССР. Вхождение в новую социальную среду проходило постепенно и зависело от стратегии выживания самих болгар и гагаузов. Адаптация предполагала, прежде всего, принятие внешних условий жизни в новом обществе, а также усердие и трудолюбие. По воспоминаниям вынужденных переселенцев начальный этап интеграции в социальную среду занимал, как правило, 2–3 года. Безусловно, дисперсное проживание болгар и гагаузов в Сибири, условия особого режима содержания, иная

зычное окружение неблагоприятно отразились на сохранении культуры и быта представителей этих этнических групп, так как способствовало нивелировке традиций южан, а также восприятию элементов чуждых их культуре. Однако, при всем этом, депортированные болгары и гагаузы не потеряли своей идентичности. На наш взгляд, ее поддержанию во многом способствовало старшее поколение, а также мировоззрение болгар и гагаузов, выражавшееся в послушании старших.

Список информаторов

Гургуров Николай. Информант, 1952 г. р., населенный пункт: с. Кортен, 24 июля 2024. Личный архив автора.

Драган (в девичестве – Татарогло) Стефанида. Информант, 1941 г. р., населенный пункт: с. Копчак, Чадыр-Лунгского района, <https://www.youtube.com/watch?v=U5uHEBLJBdI>. Записано Алексеем Тулбуре. (дата обращения: 04.01.2025).

Жежу (в девичестве – Барган) Иванна. Информант, 1953 г. р., населенный пункт: мун. Комрат, 21 июля 2024. Личный архив автора.

Николаева (в девичестве – Бузаджи) Василиса. Информант, 1943 г. р., населенный пункт: мун. Комрат, 17 августа 2024. Личный архив автора.

Н. У. Информант, 1941 г. р., населенный пункт: с. Александерфелд, 26 августа 2024. Н. У. согласилась на интервью при условии, что будет сохранена ее анонимность. Личный архив автора.

Папукчи (в девичестве – Грекова) Анастасия. Информант, 1938 г. р., населенный пункт: с. Кайраклия, Тараклийского района, <https://www.facebook.com/100051407512813/videos/757383266569551/?mibextid=P5sS7T> Записано Галином Георгиевым. (дата обращения: 30.12.2024).

Пукал (в девичестве – Бишир) Екатерина. Информант, 1943 г. р., населенный пункт: г. Тараклия, 23 ноября 2024. Личный архив автора.

Сариогло (в девичестве – Касапова) Валерия. Информант, 1943 г. р., населенный пункт: с. Кайраклия, Тараклийского района, <https://www.youtube.com/watch?v=J2Zwex3t7LQ> (дата обращения: 16.02.2025).

Славиогло Иван. Информант, 1936 г. р., населенный пункт: с. Бешгиоз, 30 ноября 2024. Личный архив автора.

Юровский Георгий. Информант, 1942 г. р., населенный пункт: г. Тараклия, <https://www.youtube.com/watch?v=64qY8AwOXvs> (дата обращения: 25.01.2025).

Литература

Дерменжи М. Учитель, писатель, режиссер. In: Вести Гагаузии. Комрат, 2005, 14 июня. / Dermenzhi M. Uchitel', pisatel', rezhisser. V: Vesti Gagauzii. Komrat, 2005, 14 iyunya.

Курдогло К. Люди. События. Документы. Кишинев: Tipografia centrală, 2016. / Kurdoglo K. Lyudi. Sobytiya. Dokumenty. Kishinev: Tipografia centrală, 2016.

Курдогло К. Репрессии и массовые депортации жителей с. Баурчи Чадыр-Лунгского района Республики Молдова в 1940–1951 гг. Кишинев: Tipografia centrală, 2009. / Kurdoglo K. Repressii i massovye deportatii zhiteljej s. Baurchi Chadyr-Lungskogo rajona Respubliki Moldova v 1940–1951 gg. Kishinev: Tipografia centrală, 2009.

Курдогло К. Репрессии и депортации гагаузов 1940–1941 гг., 1944–1952 гг. Кишинев: Tipografia centrală, 2018. / Kurdoglo K. Repressii i deportatii gagauzov 1940–1941 gg., 1944–1952 gg. Kishinev: Tipografia centrală, 2018.

Национальное Архивное Агентство. Ф. R-3397 (Коллекция документов лиц выселенных с территории МАССР и МССР в 30-х гг. и в период 1941–1951 гг.), оп. 4, д. 97, 98, 192, 196, 197. / Nacional'noe Arhivnoe Agentstvo. F. R-3397 (Kollekciya dokumentov lic vyselennyh s territorii MASSR i MSSR v 30-h gg. i v period 1941–1951 gg.), op. 4, d. 97, 98, 192, 196, 197.

Пасат В. Трудные страницы истории Молдовы. 1940–1950 гг. Москва: Терра. 1994. / Pasat V. Trudnye stranicy istorii Moldovy. 1940–1950 gg. Moskva: Terra. 1994.

Приказ МВД СССР № 00564 «О приеме, перевозке, расселении и трудоустройстве выселяемых из Молдавской ССР». 11 июня 1949 г. In: История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина

1950-х годов: Собрание документов в 7-ми томах. Т. 1. массовые репрессии в СССР. Москва: РОСППЭН, 2004, 530–532. / Prikaz MVD SSSR № 00564 «O prieme, perezovke, rasselenii i trudoustrojstve vyselyaemyh iz Moldavskoj SSR». 11 iyunya 1949 g. In: Istoriya stalinskogo Gulaga. Konec 1920-h – pervaya polovina 1950-h godov: Sbranie dokumentov v 7-mi tomah. T. 1. massovye repressii v SSSR. Moskva: ROSPPEN, 2004, 530–532.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 года «О применении уголовной ответственности к тем, кто совершает побег с мест обязательного поселения». In: Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Москва, 1993, 124. / Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 26 noyabrya 1948 goda «O primenenii ugodovnoj otvetstvennosti k tem, kto sovershaet pobegi s mest obyazatel'nogo poseleniya». In: Sbornik zakonodatel'nyh i normativnyh aktov o repressiyah i reabilitacii zhertv politicheskikh repressij. Moskva, 1993, 124.

Cașu I. Dușmanul de clasă. Represiuni politice, violență și rezistență în R(A)SS Moldovenească, 1924–1956. Chișinău: Cartier, 2014.

Olaru-Cemîrtan V. Teroarea stalinistă în RSSM, 1940–1941, 1944–1956: deportările, exilările în Gulag, foametea. Chișinău: Lexon-Prim, 2020.

Приложение

Фото 1. Дом, построенный родителями Н.У., уроженцами пос. Тараклия, в пос. Усть-Калманке Алтайского края, 1957 г. Из личного архива автора

Фото 2. Семья Барган Ильи и Матрены, уроженцев с. Конгаз, 1953 г., с. Сваловка Чарышского района Алтайского края. Из личного архива автора

Фото 3. Семья Н.У. уроженки пос. Тараклия, 1954 г., пос. Усть-Калманка, Алтайский край. Из личного архива автора

Olga Terzi (Chișinău, Republica Moldova). Doctorandă, Școala Doctorală Științe Umaniste și ale Educației, Universitatea de Stat din Moldova.

Ольга Терзи (Кишинев, Республика Молдова). Докторантка, Докторантура в области гуманитарных наук и образования, Молдавский государственный университет.

Olga Terzi (Chisinau, Republic of Moldova). PhD student, Doctoral School of Humanities and Education Sciences, Moldova State University.

E-mail: olgaterzi2010@gmail.com

ORCID: 0009-0003-0178-2307